

Завершив фотосессию — особенно после того самого поцелуя, вызвавшего в ней едва уловимый внутренний трепет, — Шэнь Цинъюэ покорно вернулась в отдельный кабинет по приглашению управляющего. Она тихо села, уставившись на гладкую поверхность стола, в которой, казалось, отражалось её по-прежнему бесстрастное лицо.

Шэнь Цинъюэ взял меню, пролистал его и небрежно спросил:

— Что хочешь съесть?

— Всё равно, — голос Шэнь Цинъюэ оставался ровным. Сейчас её мысли были заняты вовсе не едой. Ощущение той легкой прохлады на губах давно исчезло, но в глубине души крутилось нечто крайне тонкое, даже в её собственных глазах выглядевшее абсурдно... недовольство.

Да, именно недовольство.

Она отчетливо помнила, как в момент поцелуя в её скованном льдом сердце действительно раздался глухой отзвук — своего рода давно забытый, насильственно пробужденный физиологический импульс. Пусть слабый, но реальный.

А что же Шэнь Цинъюэ?

Ароматный, мягкий, вкус был неплох.

Разве он мог почувствовать что-то еще?

Его невозмутимый, совершенно лишенный романтики вид стал крошечной занозой, вонзившейся в ледяную корку её чувств. Хотя эта заноза была почти незаметной, она существовала, вызывая слабую рябь под названием обида. Почему она была затронута, а он остался непоколебим, как скала? Из-за богатого жизненного опыта? Или... потому что в его глазах этот поцелуй действительно не имел никакого смысла?

Конечно, помимо недовольства, в душе Шэнь Цинъюэ теснились и другие чувства, такие как замешательство и растерянность.

Я... почему я сама его поцеловала? — эта мысль настойчиво стучала в её замороженное сознание. За бесчисленные циклы перерождений она пережила отчаяние, гнев, оцепенение, но никогда не совершала столь... импульсивных и двусмысленных поступков. Даже если нужно было проверить, не показался ли ей тот трепет, можно было найти куда более прямой способ, не требующий близкого контакта. Почему она выбрала именно поцелуй? Этот выбор, полный иррациональности, заставлял её чувствовать себя чужой и потерявшей контроль.

Прежняя мужская сущность должна была вызывать отторжение или неловкость при мысли о поцелуе с другим мужчиной, пусть даже это был он сам из параллельного мира.

Однако в тот миг её заставило приподняться на цыпочки вовсе не мужское логическое мышление или гордость, а скорее... инстинктивная реакция, присущая женскому телу Шэнь Цинъюэ. Это осознание вызвало в глубине души приступ паники.

Тот поцелуй стал зеркалом, отразившим скрытое глубоко внутри, подавленное реальностью и отчаянием осознание смены пола. Она всё меньше могла определять себя как Шэнь Цинъюэ в

женском теле, становясь всё больше... именно Шэнь Цинъюэ.

И вот, трепет подтвержден... а дальше что? Почему возникла эта досада? Именно это казалось ей самым абсурдным и раздражающим. Она ведь просто хотела проверить, существует ли физиологическая реакция, и цель была достигнута.

Разве спокойная реакция Шэнь Цинъюэ (ароматный, мягкий, вкус неплох) не соответствовала её ожиданиям? Он и не должен был испытывать никаких волнений. Но почему... когда она увидела его таким спокойным, почти объективным, словно он проводил научный эксперимент, в глубине души зародилось это крошечное недовольство? Эта обида была совершенно необоснованной! Она, словно тонкий вьюн, обвила ледяные стены её сердца, вызывая странное чувство... уязвленности? Будто что-то, ею самой высоко ценимое, в глазах другого не стоило ни гроша. Это ощущение уязвленности было настолько чуждым, что пугало её.

Эти противоречивые мысли, словно запутанный клубок, вызывали скрытые течения под гладью её ледяного озера. Она подавила обиду, заперла глубокое замешательство под толщей льда и сохранила на лице неизменное спокойствие. Когда Шэнь Цинъюэ во время трапезы оживленно болтал, подшучивая над сестрой или иронизируя над собственной ролью подкаблучника, она лишь механически отвечала: Угу, Понятно. Однако пальцы, сжимавшие вилку, на мгновение напрягались из-за сумятицы в душе.

Шэнь Цинъюэ чутко наблюдал за её реакцией на обстановку и темы разговора, но не касался этого глубокого, личного водоворота. В его глазах её молчание и редкие движения пальцев были лишь усталостью после съемок или отсутствием интереса к еде.

До тех пор, пока на столе не появились два клубничных муссовых торта. Нежно-розовые, украшенные свежей клубникой и листиками мяты, они источали сладкий аромат. Это было любимое лакомство её сестры. Неужели «она» из этого мира хочет таким образом растопить её сердце?

Знакомый розовый цвет и сладкий запах стали теплым ключом, в одно мгновение приоткрывшим дверцу её ледяной крепости и временно разогнавшим туман из мыслей о поцелуе и самоидентификации. Теплый поток воспоминаний хлынул наружу, смывая ничтожную обиду и глубокую растерянность. Перед лицом невинной улыбки сестры и того теплого времени, когда они поддерживали друг друга, все терзания о гендере, импульсах и бессмысленных обидах казались такими бледными и ничтожными.

Шэнь Цинъюэ, заметив, что Шэнь Цинъюэ замерла, произнес:

— Не по вкусу? Или... аллергия на клубнику? — В его глазах искрилась лукавая усмешка.

Шэнь Цинъюэ подняла веки и бросила на него холодный взгляд, который словно говорил: Зачем спрашиваешь, если знаешь? Она не ответила, а лишь взяла маленькую десертную ложечку и крайне серьезно, почти благоговейно, отломил крошечный кусочек торта, отправив его в рот.

Нежный мусс растаял на языке, и знакомый кисло-сладкий вкус клубники мгновенно пробудил

давно спавшую вкусовую память. Она прикрыла глаза, а когда открыла их снова, в глубине её фиолетовых зрачков что-то едва заметно оттаяло. Она кивнула, и хотя голос остался ровным, в нем поубавилось ледяной механичности и прибавилось... едва уловимой тоски?

— Вкус... не изменился, — тихо сказала она и зачерпнула еще ложку. — Она... тоже очень любила этот торт.

Шэнь Цинъюэ не стал расспрашивать, кто такая она, а лишь молча ел свой десерт, давая ей возможность выговориться.

Шэнь Цинъюэ не смотрела на него, её взгляд был прикован к тарту, словно она разговаривала с ним или сама с собой:

— В детстве мы жили очень бедно. Такой торт был для нас роскошью.

— Каждый раз, проходя мимо кондитерской... она всегда смотрела на них дольше обычного, но никогда не просила купить.

— Позже... я узнала об этом. И устроилась в ту пекарню работать. — Она сделала паузу, словно вспоминая те тяжелые, но чистые дни. — Училась печь торты... хотела, чтобы она... смогла их попробовать.

— В первый раз, когда я приготовила его дома, он получился некрасивым... но она ела его с таким удовольствием. — В её голосе не было интонаций, но описанная картина дышала безмолвным теплом. — Тогда... жизнь была горькой, но этой сладости... было достаточно.

Закончив, она замолчала и принялась есть торт маленькими кусочками, каждое движение казалось... бережным.

Шэнь Цинъюэ смотрел на неё, отложив свою ложку. Он чувствовал ту глубокую привязанность к сестре и тоску по временам, когда они жили друг для друга, скрытую под слоями льда. Это чувство было единственным, что не стерлось после бесчисленных циклов и гибели миров, тем, что принадлежало Шэнь Цинъюэ, а не Син Чжи.

— Вкус действительно неплох, — улыбнулся Шэнь Цинъюэ, его тон стал мягким, без прежнего подшучивания. — Похоже, у наших сестер удивительно одинаковые предпочтения в сладостях.

Шэнь Цинъюэ доела последний кусочек, подняла взгляд, и её фиолетовые глаза стали чуть прозрачнее:

— Спасибо.

Это спасибо относилось не только к тарту. Возможно, и к тому, что он привел её сюда, что уловил её едва уловимые чувства, что... дал ей шанс ненадолго вернуться в прошлое.

Шэнь Цинъюэ отмахнулся, его улыбка была легкой и искренней, с присущей ему небрежностью молодого аристократа:

— За что благодаришь? Я же сказал, привел тебя сюда, чтобы ты попробовала немного... ну,

сладости жизни. В этом мире и так полно дерьма, нужно же иметь хоть какую-то надежду, верно? Вернуть себе немного позитивных ощущений — сделка выгодная. — Он выразил тяжелую тему пробуждения чувств такими житейскими словами, как сладость жизни и выгодная сделка, что прозвучало удивительно естественно.

Он не стал читать нотаций. Он знал, что для Шэнь Цинъюэ возможность добровольно заговорить о прошлом, ощутить вкус сладости и сказать спасибо — это уже крошечная, но бесценная трещина на ледяном озере её сердца.

Этого достаточно. Остальное придет со временем.

Послевкусие изысканного десерта еще не развеялось, а Шэнь Цинъюэ уже с энтузиазмом потащил Шэнь Цинъюэ дальше исследовать парк развлечений. Он вел себя как прилежный гид, пытаясь воздействовать на её замороженные чувства шумом и красками, не переставая болтать о том, какой аттракцион чертовски захватывающий, а какой — сплошная обдираловка для детей. Шэнь Цинъюэ молча следовала за ним, и хотя под слоем льда замешательство из-за поцелуя, самоидентификации и пустой обиды было приглушено теплом торта, оно не исчезло, а лишь опустилось глубже.

Однако эта тщательно созданная атмосфера беззаботности была вдребезги разбита пронзительным, полным первобытного ужаса криком!

— А-а-а! Монстр! Демоническая тварь!

Крик, словно капля воды в раскаленное масло, мгновенно взорвал панику! Веселый смех толпы сменился топотом ног и воплями. Шэнь Цинъюэ и Шэнь Цинъюэ резко обернулись в сторону источника шума.

Там бесчинствовала жуткая тварь!

Нижняя часть её тела представляла собой гигантского паука, покрытого жесткой, как стальные иглы, шерстью. Восемь фасеточных глаз сверкали жестоким, зловещим светом, а конечности с легкостью протыкали аттракционы. Там, где должна была быть голова паука, находилась верхняя часть тела искаженной бледной женщины! Лицо её было нечетким, из горла вырывался нечеловеческий вой, а руки неистово размахивали в воздухе.

Самым отвратительным было то, что её слегка вздутый живот внезапно разорвался, выплеснув густую, зловеще мерцающую фиолетовую паутину! Эти нити точно опутали бегущих людей, словно на крючке, отчаянно волоча их назад. Под аккомпанемент хруста разрываемых тел и брызг крови жизни жестоко обрывались в невыразимом страхе.

Зрачки Шэнь Цинъюэ сузились. Он отчетливо чувствовал, как густой, неразбавленный страх, наполняющий воздух, подобно реальной пище, жадно поглощался монстром, заставляя его зловещую ауру раздуваться и крепнуть на глазах! Демоническая тварь! Это определенно была та самая демоническая тварь, о которой говорили Цинъюэ и остальные!

Он инстинктивно посмотрел на стоявшую рядом Шэнь Цинъюэ, и его сердце тяжело ухнуло вниз.

Её ледяные фиолетовые глаза в момент созерцания трагедии вспыхнули решительным, почти осязаемым светом! Её тело среагировало быстрее мысли, она почти инстинктивно рванулась в центр кровавого ада!

— Цинъюэ! — Шэнь Цинъюэ среагировал молниеносно, схватив её за запястье! Оно было тонким и холодным, но в нем таилась поразительная сила — если бы не его нынешнее тело, закаленное до третьей ступени, он бы ни за что её не удержал.

Шэнь Цинъюэ, которую остановили, с досадой обернулась, в её глазах пылал огонь, не знающий преград. Только сейчас она осознала — Шэнь Цинъюэ, этот обычный человек, смог удержать её, Волшебницу (пусть и в плачевном состоянии)! Но сейчас было не время для раздумий!

— Отпусти! — её голос был холодным, резким и звучал как не терпящий возражений приказ.

— Ты забыла, что обещала Цинсюэ?! — голос Шэнь Цинъюэ внезапно взлетел вверх, наполнившись небывалой строгостью, он смотрел прямо в тот огонь в её глазах. — Твое тело! Твой кристалл! Давно уже разбиты и находятся на пределе! Если будешь сражаться насильно, ты просто развалишься на части! — он четко указал на её самое уязвимое место.

Шэнь Цинъюэ замерла, но огонь в её глазах не погас, а разгорелся еще сильнее. Она смотрела вдаль, где еще один ребенок, опутанный паутиной, отчаянно кричал под жвалами монстра, и её сердце словно сжала ледяная рука.

— Прости... — прошептала она, и в её голосе сквозило почти трагическое упрямство. — Я должна идти.

— Почему?! — почти прокричал Шэнь Цинъюэ, он не мог понять этого стремления, граничащего с самоубийством. — Почему именно сейчас?! Твой разум и тело на пределе! Ты даже улыбнуться не можешь! Какой смысл идти на верную смерть?!

Его слова вонзились в сердце Шэнь Цинъюэ, словно иглы. Да, она потеряла улыбку, потеряла слишком многое. Но именно из-за этой невыносимой утраты она не могла оставаться в стороне!

— Именно потому, что я утратила улыбку... — Шэнь Цинъюэ резко подняла голову, в её фиолетовых глазах, казалось, трескались ледяные кристаллы, отражая брызги крови и отчаянные крики вдалеке, — ...я не могу позволить другим её потерять! Я больше не хочу видеть ни на ком... выражения той боли, когда теряешь близких! — её голос был тихим, но обладал силой, пронзающей душу. — Поэтому... даже если мое тело станет лохмотьями... я буду сражаться!

Не успела она закончить, как резко рванулась, высвободив мощь, превзошедшую все ожидания Шэнь Цинъюэ, и вырвалась из его хватки! Она, словно стрела, выпущенная из лука, с серебряными волосами, развевающимися в хаотичных потоках воздуха, решительно бросилась навстречу монстру, против течения бегущей толпы!

Глядя на то, как её тонкая, но невероятно решительная фигура исчезает в хаосе людей, Шэнь Цинъюэ застыл на месте. Неописуемо сложное чувство нахлынуло на него: облегчение, беспокойство, но больше всего — некое... фаталистическое понимание и глубокая беспомощность.

— Ха... — он тихо, горько усмехнулся и покачал головой. — Стала девушкой... но этот упрямый характер, готовый расшибиться в лепешку, лишь бы спасти других... И правда, в каком бы мире мы ни были, мы остаемся одним и тем же человеком...

<http://bllate.org/book/18890/1845851>